

кого неодобрения не совсем уместно чтение ямбической «Вольности». Но стихотворец далее разъясняет свою позицию: он не против ямба вообще, а считает, что и другими размерами не следует пренебрегать: «Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то было бы неизлишнее, если бы я мог дать *примеры в разных родах достаточные*» (I, 353; курсив мой, — А. Т.). Это рассуждение отражает поиски Радищевым новых, не традиционных принципов стихосложения, его тяготение к безрифменному стиху. Его опыты в этом направлении и их оценка современниками и позже Пушкиным общеизвестны. «Творение мира» (как и некоторые другие стихотворения Радищева 1780-х гг.) как раз и являло собой образец «разных родов» стиха — наряду с написанной ямбами «Вольностью». Именно поэтому в прозаическом послесловии к оде и непосредственно перед поэмой Радищев писал: «Да будет оно («песнословие», — А. Т.) пример, как можно писать не одними ямбами» (I, 431). Таким образом, в начале главы «Тверь» Радищев делал теоретическую «заявку» и обоснование «употребления в одном сочинении разного рода стихов», а затем демонстрировал и сами эти образцы.

О том, что в цензурную рукопись была включена не только ода, но и поэма «Творение мира», говорит первая же фраза из главы «Городня», которая логически вытекала из предшествовавшей демонстрации разного рода стихов, точнее — из послесловия к поэме. Радищев здесь пишет: «Въезжая в сию деревню, *не стихотворческим пением* слух мой был ударям, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев» (I, 362; курсив мой, — А. Т.). Как возникла эта антитеза и как она оказалась в печатном тексте книги, не содержащем «стихотворческого пения»?

Мы знаем (из «лонгиновского» списка), что «новомодный стихотворец» заключал послесловие к поэме «Творение мира» словами: «Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично *малому и для пения определенному стихотворению*, то удачно будет и в епопеи» (I, 431, курсив мой, — А. Т.). Это резюме связано с мыслями, высказанными в начале главы «Тверь». Из него же становится ясно, что «малое и для пения определенное стихотворение» и есть «Творение мира». Под это определение невозможно подвести оду «Вольность». Было бы абсурдом считать, что в качестве первого «члена» противопоставления в данной антитезе выступает произведение («Вольность»), совсем не рассчитанное для пения, как бы указывающее путь освобождения тем самым крестьянам, вопли которых автор слышит. Когда Радищев в первой же фразе главы «Городня» говорит, что слух «был ударям» не «стихотворческим пением», то он, конечно же, имеет в виду только что отзвучавшее «песнословие». И именно потому, что после главы «Тверь» следовала глава «Городня», содержащая призыв «разбить железом... главы господ», в окончательной ре-